

Ни капли не изменившееся за время комы тело ребёнка всё так же лежало в своей кровати и получало питание с помощью капельниц. Любой другой на его месте уже давно начал терять в весе, но не Демиан, он выглядел точно так же, как и в день трагично завершившейся церемонии.

С момента потери сознания прошло шесть месяцев, шесть дней и ровно шесть часов, у мира и происходящего внутри тела действия явно имелось мистическое и крайне чёрное чувство юмора. Именно поэтому лишь в это мгновение и ни минутой позже тело мальчика открыло глаза и сразу издало радостный крик своим охрипшим голосом.

— Я жив! — прокричал закашлевшийся под конец ребёнок, и то новое что родилось стараниями трёх личностей, обитавших ранее внутри данного тела.

Сразу же после этого крика он попытался понять, кто этот «Я». В голову сразу хлынули воспоминания из разных жизней, и с неким страхом и интересом тот стал разбираться в себе.

В его голове смешалось множество моментов и видений. Самые многочисленные принадлежали старому магу Чарльзу Зейну, они были полны боли, злости, страданий, тьмы, смерти и, что удивительно, надежды. Он всю свою жизнь стоически переносил невзгоды судьбы и даже в самом конце, понимая, что его мир уже не спасти, он всё равно боролся и нашёл спасение для своей души. Он смог принять своё поражение и, укрепив с помощью этого свою волю и, честно говоря, ещё сильнее ослабив оковы морали, «хлопнул перед уходом дверью».

Одновременно с его перелётом в иной мир, на его родной земле в клетку к первому убийце был перенесён первый клинок, вместе с двумя другими обнаруженными им перьями Люцифера, покрытыми Первозданными Силами Тьмы. Чарльз не знал, насколько сильно это расшатает оковы метки, но связь между Каином и хранящейся внутри сущностью должна была усилиться на несколько порядков. Это было его прощальное любовное послание Михаилу и его армии, которые слишком свободно стали себя чувствовать после ухода мага с передовой жалких остатков поля боя.

Вторым по значимости были воспоминания Алексея Макарова, студента последнего курса и того, кто имел самые странные знания об этом мире и его дальнейшей судьбе. Он подарил новой сущности в этом теле информацию о сотнях разнообразных миров, все из которых так же, как и этот, могли оказаться реальностью.

Его жизнь не была слишком долгой, но из-за времени, на которое выпала его молодость, она была заполнена счастьем, весельем, спокойствием, малой долей конфликтов и дружелюбием. Его сущность выглядела намного приятнее не слишком доброго мага и, что немаловажно, имела множество ограничений и запретов внутри, даже тех, про которые сам Зейн никогда и не слышал. Но, к сожалению или счастью, большая часть из них была крайне слабой и спокойно смылась опытом и более крепкой волей первой личности.

Последним же по наполнению, но не по силе, шёл юный семилетний мальчик Дэмиан Тейт, выросший с в меру строгим отцом и в последний момент использовавший остатки своей Ангельской силы, чтобы вмешаться в ритуал и навязать свои цели и жизненный путь двум другим владельцам своего сосуда.

Используя всё, что напоминало о его Ангельском прошлом, он сумел возвысить свои воспоминания и чувства на уровень мага и серьёзно повлиять на характер обоих мужчин. Фрагменты его жизни были полны счастья, уверенности, детской чистоты и лёгкого страха под самый конец жизни данного дитя.

Собрав всё это вместе, новая сущность попыталась осознать себя и понять, кто же оказался у руля нового тела.

Задумавшись и просидев в данном положении несколько минут, пока Тревес Тейт нёсся непозволительно для аристократа слишком быстрым шагом к комнате ребёнка из другой части дома, она пришла к выводу, что как минимум на половину «Он» всё ещё Чарльз Зейн — опытный маг, без своего тела и прошлой магической мощи, запертый в сосуде беспомощного юного Хранителя Знаний, родившегося из остатков Ангельской Братии, и до сих пор всем сердцем желающим остановить апокалипсис. На тридцать процентов он Александр Макаров — студент, любящий читать и наблюдать за историями других миров, включая и этот, что определённо принесёт его новому «Я» неоценимую помощь. И самое поразительное — на целых двадцать процентов изначальный владелец тела, Демиан Тейт, сумевший выбить себе

право на жизнь и всей своей сутью желающий стать достойным Хранителем Знаний и тем, кто возвысит род Тейтов.

Разобравшись с этим, новое сознание заглянуло внутрь себя и ощутило просто ужасающую мощь новообразованной, неведомой для этого мира души.

То, что находилось внутри тела семилетнего мальчика, могло в один миг возвысить его до пика любого вида монстров, лишь позволив тот распространится по телу загрязняющемуся яду дальнего отпрыска Евы. С такой внутренней мощью он стал бы первым обращённым, достигшим уровня Альфы собственного вида и, возможно даже шагнувшего на одну ступень выше, встав между Матерью Всех Монстров и её первыми детьми.

Попади же он в Ад, и его душа, напитавшись Первобытной Тьмой, разлитой по этому измерению, смогла бы в момент преображения достигнуть уровня Рыцарей Ада, встав лишь в шаге от звания Князя данного места.

Путь же к силе Небес ему был закрыт, ведь, к сожалению, Ангелы не умели обращать людей в себе подобных, но будь иначе, и в мире появился бы Нефилим, способный потягаться со всей четвёркой Архангелов.

Но не одна из этих судеб не прельщала бывшего мага, хоть тот, скорее всего, и согласился бы на становление Нефилимом из-за огромной мощи, ставшей бы серьёзным подспорьем в его дальнейших планах.

Сейчас все силы этой огромной души томились внутри и понемногу работали на подпитку сосуда, улучшая тело Дэмиана и доводя то до идеала.

Ощувив непривычную наполненность не особо развитой у него в прошлом энергией, юный Тейт на вбитых в подкорку рефлексах обратился к своей магии, ощутив слабый отклик и вызвав тем самым всплеск духовной силы вокруг кровати, уничтожая большую часть амулетов, и разрывая на части её верхушку с балдахином.

Именно в это мгновение внутрь комнаты сына ворвался взволнованный отец.

— *Angustos incipias*, — быстро прокричал мужчина, заставляя браслеты на руках сына засветиться вязью кельтских рун и вобрать в себя всю исторгаемую тем духовную силу.

Потеряв подпитку, энергетическая буря внутри спальни резко сошла на нет, а взволнованный отец мигом оказался около поломанной кровати родного ребёнка.

— Дэмиан, как ты? — спросил напуганный происходящим и одновременно испытывающий надежду на полноценное пробуждение ребёнка Тревес Тейт.

— Нормально, папа, — произнёс, честно говоря смущённый таким отношением взрослый внутри тела мелкого пацана. Да и само тело непривычно радостно отзывалось чувством защищённости и тепла при объятиях Тревеса, что вновь пробуждали забытые воспоминания обоих старших доноров личности.

Чарльз испытывал такие чувства лишь в самом начале своего пути, когда рос в ковене Зейнов. Алексей же сразу вспоминал полноценную семью с родителями и ударял по сознанию болью от их потери, но та быстро гасилась уже пережившим подобное Зейном, который, имея приличный список потерь, попросту умел откладывать или в редких случаях гасить такие моменты, чтобы не терять попусту время на жалость к себе и своей судьбе, тратя то на разработку нового ритуала или иные более полезные дела.

— Брайан, сообщи Хранителям о пробуждении Дэмиана, — отдал приказ появившемуся в проходе дворецкому, развернувшийся на секунду мужчина, быстро вернув свой внимательный взгляд к телу сына, начав проверять то на раны и с волнением заметив вырванную из вены иглу, вместе со струйкой крови, оставившей алый след на простынях и теле сына.

— Surge sursus! — произнёс приложивший ладонь к ране мужчина, после чего, оказавшись под белым, подобно ангельской силе, светом, от рваной раны не осталось и следа.

— Это же... — удивлённо взирая на не слишком знакомую ему практику, произнёс удивлённый мальчик.

— Сила души, — нежно улыбнувшись ребёнку, закончил за него Тревис. — На такое способны лишь старшие Хранители Знаний и их приближённые, выбранные из самых одарённых учеников Кендрикса.

— Понятно. А сколько я пролежал так? — заметив открытое окно и ощутив тёплый воздух вместе с влажностью привычной для данной местности дождливой погоды, задался вопросом Дэмиан.

Он чётко помнил, что пробуждение его душ происходило зимой в январе, но сейчас явно была весна или лето, хоть ливень за окном и пытался убедить его в обратном. Путаясь во временах года между тремя странами, откуда пришла его память, Дэмиан стал ожидать ответ на свой вопрос.

— Сейчас двадцатое Июля, Дэмиан, — с сожалением произнёс мужчина. — Ты пролежал в коме сто восемьдесят шесть дней.